

**КОММУНИСТЫ ПРОТИВ ТЕРРОРА
(Анонимное письмо в Курганскую ЧК, июль 1920 г.)**

Публикация подготовлена:

Кусков Сергей Александрович, кандидат исторических наук, Объединенный государственный архив Челябинской области

Террор как инструмент господства над населением широко применялся противоборствующими сторонами во время Гражданской войны. После завершения Челябинской военной операции летом–осенью 1919 г. на Южном Урале повторно утвердилась Советская власть¹. Особые отделы наступающих частей Красной армии на прифронтовой территории выявляли и расследовали факты расправ, преследования коммунистов, красноармейцев, советских работников. Большое число таких судебно-следственных дел находится в Объединенном государственном архиве Челябинской области (ОГАЧО), в фонде Челябинского губернского революционного трибунала. В одном из них найдено анонимное письмо коммуниста, протестовавшего против репрессий и мести политическим врагам². Письмо отражает существовавшие в обществе и РКП(б) настроения несогласия с политикой террора, осознание необходимости ее прекращения.

Почему среди сотен судебных дел именно дело против крестьян д. Васильки Курганского уезда побудило коммуниста напомнить своим товарищам о милосердии к мнимым и действительным врагам? Рассмотрим обстоятельства этого дела подробнее.

1 июля 1918 г., в период чехословацкого наступления, в деревню Васильки Моревской волости Курганского уезда Тобольской губернии вошел добровольческий партизанский отряд. На беду красноармейцев во время их прибытия в деревне

---

¹ Лучевников П.С. Гражданская война на Южном Урале. Челябинск, 1958. С. 170.

² ОГАЧО. Ф. Р-96. Оп. 2. Д. 348. Л. 79–80 об.

Свидетельства и документы

проходил сход. Обозленные советской политикой реквизиций крестьяне набросились на красных партизан, разоружили их, избили и отправили в волостной центр. В с. Моревском тем временем собрался съезд представителей деревень для выбора новой власти в волости. В доме волостного правления партизаны были избиты повторно. Позднее пленных отправили на суд. В результате избиений двое сторонников советской власти погибли. Следует отметить, что пострадавшие красноармейцы также были жителями с. Моревского и окрестных селений. По факту этих событий в августе 1919 г. особым отделом 27-й дивизии и было начато следствие. 15 сентября 1919 г. незаконченное дело из штаба уходящей на восток дивизии было передано в Курганскую чрезвычайную комиссию. Курганские чекисты следствие против 38 жителей д. Васильки и с. Моревского Моревской волости вели больше года. Все это время подозреваемые находились в Курганской и Челябинской тюрьмах. 22 ноября 1920 г. 29 крестьян Моревской волости предстали перед Челябинским ревтрибуналом. В обвинительном приговоре трибунал учел, что «степень виновности обвиняемых уменьшается их несознательностью в отношении острой партийной борьбы рабочего класса с капиталом...» По приговору трибунала пятеро из них были приговорены к расстрелу, восемь – оправданы, один умер до суда, остальные получили различные сроки от 3 до 10 лет лишения свободы³.

Анонимное письмо в деле оказалось подшито рядом с жалобами арестованных, которые относились к июлю 1920 г. К этому времени арестованные в Курганской тюрьме пробыли уже более 7 месяцев и перспектива их дальнейшей судьбы не просматривалась. Учитывая, что сельское население д. Васильки и других населенных пунктов Курганского уезда было связано родственными линиями, свойством, знакомствами, и новая власть вбирала в себя не только «варягов», но и местных уроженцев, имевших родню и знакомых среди людей, подвергшихся преследованию, вполне вероятно, что письмо могло быть написано родственником кого-то из подсудимых.

Написано письмо от руки печатными буквами на двух листах тетрадной линованной бумаги. В верхнем левом углу первого листа имеется входящий номер и дата получения: 27 июля 1920 г. В первых строках автор сообщает, что он коммунист и ему приходится часто сталкиваться с разными мнениями. В основной части документа проводится мысль, что репрессии в отношении подозреваемых в политических преступлениях злят народ, а народную любовь можно приобрести не расстрелами и каторгой, но гуманным отношением. Завершается письмо призывом начать новую политику и просьбой прочесть его на заседаниях Курганской уездной ЧК и Челябинского ревтрибунала. Упоминание конкретных лиц и уголовных дел в

---

³ ОГАЧО. Ф. Р-96. Оп. 2. Д. 348. Л. 162–162 об.

Свидетельства и документы

документе отсутствует, что свидетельствует о том, что письмо имеет не прикладной (защитить или вытащить из тюрьмы одного-двух людей), а общеполитический характер.

Было ли письмо прочитано на коллегии Курганской ЧК или в Ревтрибунале – не известно. Если рассматривать письмо в качестве подтверждения понимания рядовыми коммунистами бесперспективности мести за события 1918 г. и в целом политики военного коммунизма, то ответ на него был дан государственной системой, пусть и с опозданием. В ноябре 1920 г. следственные документы были запрошены Особым отделением № 3 Первой революционной армии труда. Этот интерес смог притормозить расстрелы. Хотя никаких бумаг с решением особого отдела Первой армии в деле нет, но оно было, так как уже в феврале 1921 г. Челябинский ревтрибунал начал пересмотр приговоров в сторону их смягчения. Так, судя по всему, ведомство Л.Д. Троцкого не отменило приговор, но запустило репрессивный механизм в обратном направлении. Во втором полугодии 1921 г. этот процесс перешел в новую фазу. В судебно-следственном деле имеется выписка из протокола заседания Распределительной комиссии при Челябинском губернском отделе юстиции от 1 сентября 1921 г.⁴ На заседании комиссии было заслушано постановление Челябинского губисполкома от 21 мая 1921 г. «О сокращении срока наказания крестьянам, осужденным в 1919 и первой половине 1920 г. за преступления, совершенные в 1918 году» и принято решение затребовать из ЧК и ревтрибунала список лиц для условно-досрочного освобождения. Среди выпущенных на свободу осенью 1921 г. были и жители д. Васильки, в том числе приговоренные к расстрелу⁵.

В Кургане и в других городах Челябинской губернии карательные мероприятия не ограничивались одним или несколькими следственными делами⁶. На старые прегрешения перед властью наслаивались новые эксцессы продрозверстки, дезертирства, повстанчества⁷. В этих условиях уже не только провинциальные коммунисты, но и вожди не могли не задумываться о целесообразности репрессивных методов. На местах особенно остро чувствовалась зыбкость и ненадежность политики военного коммунизма, опасность всеобщего народного восстания. Вместе с тем партийные и государственные органы имели иерархическую структуру, в которой государственную политику определяли в центре, а от рядовых коммунистов требовалось ее дисциплинированное исполнение, что, в сущности, и

---

⁴ ОГАЧО. Ф. Р-96. Оп. 2. Д. 348. Л. 334.

⁵ Там же. Л. 336, 352.

⁶ Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922. М., 2001. С. 324.

⁷ Назыров П.Ф. Аграрные отношения на Южном Урале в годы Гражданской войны. Челябинск, 2009. С. 187.

Свидетельства и документы

отразило дело об избиении советских работников и партизан в д. Васильки. Понимание нежизненности государственного террора рядовыми коммунистами до поры не оказывало на его ход существенного влияния. Однако по мере утверждения этого понимания на более высоких иерархических уровнях компартии политика начинала корректироваться. В частности, в рассматриваемом эпизоде на ход дела мог повлиять лично Л.Д. Троцкий, либо кто-то из его ближайших помощников, курировавших деятельность Трудовой армии.

Анонимное письмо в Курганскую уездную чрезвычайную комиссию о вреде политики репрессий

*Не позднее 27 июля 1920 г.
г. Курган*

Вы все прекрасно меня знаете, поэтому я пишу таким подчерком⁸. Я состою в партии коммунистов, и мне часто приходится иметь разговоры с людьми других взглядов, и вот я слышу, что противники говорят: контрреволюцию создает сам трибунал и чека своими арестами, обысками и расстрелами. Отпусти эти учреждения на свободу подозреваемого (настоящие-то контрреволюционеры вряд ли попадутся, попадутся только неопасные болтуны), кроме благодарности к власти он ничего не будет чувствовать, а вот, когда его приговаривают на несколько лет к тюремному заключению или к расстрелу, то тут вместо одного противника правительство приобретает сотни настоящих врагов из родственников и знакомых осужденного. Это как стоголовая гидра: вместо одной отрубленной головы, появляется новая. Вот я теперь вижу, что арестованные советские служащие и служащие в чека⁹, теперь после отбытия наказания, враждебно относятся к нам, они для нас уже потеряны и если открыто не заявляют себя врагами, то это пока.

Противоположным примером может служить следующий: здесь один гражданин был посажен в тюрьму. В народе, по обыкновению, болтали много нелепостей вроде того, что он будет расстрелян. За него очень хлопотало еврейское общество и отчасти благодаря этим хлопотам, гражданина выпустили на свободу. Так теперь он и его жена всем говорят: «случись какое-нибудь несчастье с евреями, наш дом – их дом; лучше пусть нас убьют, только не выдадим ни одного еврея, все они найдут у нас безопасное убежище. Мы их неоплатные должники».

Видите, как люди ценят добро, поэтому я не от своего лица, а от всего народа прошу: не восстанавливайте народ против советской власти своими суровыми

---

⁸ Печатными буквами.

⁹ Так в документе.

Свидетельства и документы

приговорами, иначе погибла революция и мы снова будем лишены тех благ, которые, наконец, приобрели столькими годами страданий и реками пролитой крови за народное дело. Народ только тогда оценит нас, когда мы своим хорошим, добрым отношением заслужим его любовь и расположение. Товарищ Троцкий справедливо сказал, кажется так: «Мы только тогда победим мир, когда завоюем сердце народа и приобретем его любовь и расположение». А любовь вообще и расположение приобретается гуманным отношением, а не расстрелами и каторгой; пример: царское правительство и белые, которые своим жестоким отношением приобрели всеобщую ненависть и презрение. Это совершенно верно.

Послушайте, товарищи, моего совета, я как, искренний друг, советую доброе дело, и мы победим мир! Пусть про нас не говорят, что коммунисты – палачи и кровопийцы, а пусть видят в нас друзей и защитников. И так начнем другую политику. У меня не хватает смелости заявить вам об этом открыто.

Коммунист

Я просил бы очень письмо это прочитать и в трибунале и в чека на заседании. Необходимо это сделать, а то, пожалуй, поздно будет.

ОГАЧО. Ф. Р-96. Оп. 2. Д. 348. Л. 79–80 об. Подлинник. Рукопись.